

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

ПУТЬ ИНОЗЕМЦА В ВОЕННУЮ ЭЛИТУ РОССИИ (ПЕТРОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ И.Б. ВЕЙСБАХ)

Генерал Иоганн Бернгард Вейсбах (1665–1735) становится заметной фигурой в российской истории в основном уже с периода царствования Анны Иоанновны, когда его личность оказывается тесно сплетенной с предысторией русско-турецкой войны 1735–1739 гг., и потому нередко воспринимается как один из тех немцев, что «хлынули в Россию при Бироле», чтобы занять ключевые посты в ее властных и военных структурах. Однако путь этого «богемского графа» в военную элиту России был не столь прост и начинался отнюдь не при временщике Анны Иоанновны.

Это был гораздо более сложный, «трудо­вой» путь, в котором отразились как процессы строительства русской армии в эпоху Петра I, так и специфика формирования «иноземческой» части русского генералитета, весьма значительной не только в годы правления Петра¹, но даже и во времена Елизаветы Петровны². Вейсбах больше принадлежал к петровской эпохе, и к той части сформировавшейся в эту эпоху российской элиты, что не возвысилась, а, скорее, «сошла со сцены» в первой половине 1730-х гг. И, хотя по большей части он остался «в тени» эпохи Петра (упоминание его имени в петровской «Истории Свейской войны», труде С.М. Соловьева и даже в «Письмах и бумагах Петра Великого» едва ли не единичны³), его судьба и военная карьера теснейшим образом связаны именно с ней.

Костяк петровской государственной и военной элиты сложился в основном в «героические годы» Северной войны (1700–1709), когда в обстановке ожесточенного противостояния со Швецией и раз­вертывавшейся параллельно военно-административной реформы

формировалось новое окружение Петра и складывалась относительно стабильная верхушка офицерского корпуса новой регулярной сухопутной армии. В дальнейшем, в более спокойной обстановке «последополтавского» периода Северной войны она изменялась сравнительно медленно и уже не открывала перспектив серьезного роста для своих новых членов. Вейсбах успел «встроиться» в этот процесс «в нужном месте и в нужное время», хотя и на самом последнем его этапе, несомненно, ухудшало его «стартовые позиции» сравнительно с такими фигурами, как куда более знаменитый Р.Х. Боур или К.Э. Ренне, и сказывалось на перспективах его дальнейшей карьеры.

Но даже и в этой обстановке возможности для вхождения «служилых иноземцев» в состав российского генералитета были далеко не равнозначны. Сравнительно быструю карьеру мог обеспечить (помимо военного таланта) и целый ряд казалась бы второстепенных факторов, сыгравших в случае с Вейсбахом далеко не последнюю роль.

Пожалуй, большие возможности для принятых в русскую службу открывались скорее в кавалерии, чем в пехоте.

Во-первых, драгунская кавалерия начиная с 1701–1703 гг. находилась в России в стадии становления как род войск, и в большей степени требовала иностранных военных специалистов, знакомых с ее организацией и использованием на европейских началах. Во-вторых, далеко не последнюю роль играло и то, что в условиях первого периода Северной войны с ее обширными и часто меняющимися театрами, противоборством с маневренными шведскими корпусами при сознательном уклонении царя от больших сражений с участием пехоты, именно более мобильной кавалерии принадлежала огромная роль – она чаще участвовала в маневрах, стычках и «акциях», дававших не последний шанс выдвинуться и отличиться ее командирам. Не менее важным обстоятельством было и то, что кавалерия находилась под общим командованием А.Д. Меншикова, еще не вышедшего из пика своего фавора и способного обеспечить быструю карьеру своим выдвиженцам.

Все эти обстоятельства сыграли свою роль и в судьбе Иоганна Вейсбаха, австрийского немца, «богемского графа», как его называют обычно, хотя, по его собственным сведениям, родился он «в Сленску»⁴ (Шлёнке), то есть не в Богемии, а в Силезии, которая вскоре после его смерти, в 1740 г., почти полностью вошла в состав Прусского королевства.

Он был принят на русскую службу 15 апреля 1707 г. в Австрии известным Генрихом Пойссеном, по имени «по письму» А.Д. Меншикова⁵, что уже с самого начала связывало его карьеру со «светлейшим». Обстоятельства принятия его в службу (судя по принятой дате его рождения, он вступил в нее лишь полковником в уже достаточно зрелом возрасте 41-42-х лет) говорят о том, что, вероятно, он не видел для себя блестящих перспектив в австрийской армии даже в условиях продолжающейся войны за испанское наследство. Поэтому жалование в 68 р. в месяц (816 р. в год, которые складывались из полковничьего и канитанского окладов⁶, так как полковник формально командовал и первой ротой своего полка), явилось для него достаточно привлекательным даже при неясности перспектив российской службы ввиду достаточно распространенных в тот момент в европейском общественном мнении ожиданий неизбежного поражения России. Вербовка Вейсбаха была вовсе не случайной и осуществлялась весной 1707 г. в непростое для России время – накануне неизбежного «русского похода» Карла XII, перспектива которого явно требовала укрепления командного состава русской армии.

Скорее всего, Вейсбах прибыл в русскую армию летом или осенью 1707 г. Трудно сказать, насколько справедливы оценки английского посла Витворта, сообщавшего 3 декабря 1707 г.: «Кавалерия состоит под начальством любимца царского; она в очень плохом состоянии: в двадцати трех полках, когда они стояли на Висле, было налицо только восемь тысяч человек вместо двадцати трех тысяч. Полки эти уничтожены вследствие невероятных беспорядков, допущенных командирами, из которых одни смещены за свои бесчинства, другие посажены под арест, третьи отданы под военный суд»⁷, но, возможно, что какое-то наведение порядка в кавалерийских частях в ожидании вторжения шведов в Россию осенью 1707 г. действительно имело место и сыграло свою роль в начале карьеры Вейсбаха, получившего под свою команду Белозерский драгунский полк. В декабре 1707 г. Вейсбах с полком находился в команде генерала-фельдмаршала-лейтенанта Гольца и генерала Ренна (К.Э. Ренне) около Брест-Литовска, и уже первое серьезное движение армии Карла XII в январе 1708 г. по направлению к Гродно послужило началом его боевого опыта в России: он исполнил приказание вывести гарнизон Тикотина в случае его серьезной осады шведскими войсками (вместе с его командиром майором Вадбольским

«...фортификацию сколько возможно разорили, а лишней де приваит и амуницию, которое с собою забрать им было невозможно, потопили и в землю позарывали...»), а затем прикрывал в арьергарде марш корпуса Гольца и Ренне от Брест-Литовска до Могилева, сжигая по дороге магазины и отбив атаку шведских волохов на русские обозы⁸.

Так началась для него ключевая для России в истории Северной войны кампания 1708–1709 гг., сыгравшая столь же решающую роль и в судьбе самого Вейсбаха. Уже первые успешные действия упрочили его положение. Вероятно, тогда же начали складываться и его отношения с Ренном, под командой которого он в основном служил и в дальнейшем и который, видимо, ему покровительствовал. Не исключено, что Ренн ходатайствовал за него и перед Меншиковым. Во всяком случае, уже 3 апреля 1708 г., чуть более чем через полгода после начала своей реальной службы, после смотра его полков Меншиковым и Ренном на квартирах в местечке Староселье, Вейсбах был произведен Меншиковым в бригадиры и вошел, таким образом, в состав российского генералитета, увеличив свое жалование как минимум до 1440 р. в год, которые складывались из бригадирского и полковничьего жалования. Меншиков тогда же выплатил ему российскими рублями и обещанные еще год назад 300 червошцев «подъемных»⁹.

Даже участие в неудачном для русских сражении 3 июля 1708 г. под Головчиным, где он снова находился под командованием фон Гольца, не пошатнуло положения Вейсбаха. В августе – начале сентября 1708 г. он, видимо, маневрировал с главной армией в составе корпуса Гольца, перекрывая армии Карла XII пути на Смоленск. В самых громких сражениях этого времени он не участвовал – Лесная не стала его уделом, ибо корпус Гольца в сентябре-октябре 1708 г., в отличие от «корволапта» Петра и драгун Боура, в составе главной армии Шереметева следовал за Карлом XII на Украину.

В драматические дни конца октября – начала ноября 1708 г., когда еще не прошел шок от измены Мазепы, Вейсбах вместе с полковником Вегерани прикрывал переправы через Десну в Новгороде-Северском, мимо которого шел Карл XII, взяв при этом в плен нескольких шведов и возвращенцев-мазепинцев¹⁰. По приказу Петра, вернувшегося к армии после передышки в Смоленске, Вейсбах с приданным ему майором Антоном Мануйловичем Девиером¹¹ (будущим генерал-полицмейстером и зятем А.Д. Меншикова),

вероятно, 16–17 ноября 1708 г.¹² с 1200 драгунами был послан заять Ромны, предупредив приход туда шведского короля, но не успел сделать это, ибо король уже вошел в Ромны и начал превращать их в свою главную квартиру. Потому Вейсбах скрытно вошел в близлежащее местечко Смелу, на окраине которого уже находились два шведских полка, но, оценив, что городок неудобен для обороны и может при атаке превратиться в огненную ловушку, собрав местных жителей с пищалями, косами и цепями и дрекольем, велел им защищать Смелу, а сам вывел свои полки в поле и решил дать бой там. Шведы, ворвавшись в Смелу и предавшие ее огню, вскоре построились для атаки порядков Вейсбаха, «причем и сам шведский король присутствовал, и взошел на высокий бугор, чрез преспективу (т.е. подзорную трубу. *Прим. авт.*) команду свою, Вейсбахову, осматривал»¹³, но вскоре подошел отряд кавалерии Меншикова, и Вейсбах атаковал шведов, прогнав их за переправы и заняв Смелу, куда на другой день вошел Меншиков¹⁴. События эти (по, вероятно, с некоторым искажением датировок) нашли отражение в переписке Меншикова, Петра и военачальников¹⁵, но без упоминания имени Вейсбаха, которое слишком часто скрывалось за формулой «драгуны генерал-лейтенанта Ренна».

Вейсбах участвовал и еще в одной и, пожалуй, главной акции зимней кампании 1708 гг. – в декабрьской гадяцко-роменской операции русской армии, целью которой была отвлекающая атака Гадяча, должествующая выманить Карла XII из Ромен и обеспечить последующий стремительный марш генерала Алларта на Ромны с целью захвата основной тыловой базы шведской армии и уничтожения накопленных там запасов провианта и амуниции, чтобы сорвать возможный зимний марш армии Карла XII на Москву и отвратить угрозу зимнего генерального сражения. Операция блестяще удалась – на рассвете 18 декабря 1708 г. войска Алларта заняли Ромны, чуть не захватив Мазепу, уехавшего из города лишь 17 декабря за 2 часа до вечера. Вейсбах находился в тот момент в корпусе Алларта, но в город не входил, так как его кавалерия оставалась на форпостах и на посаде, и, видимо, не случайно подчеркнул это обстоятельство¹⁶ – ворвавшись первыми в Ромны бригадиры Фастман и полковник Ветерани с 2,5 тыс. драгун подвергли город грабежу и едва не сожгли его, так что Алларт застал там «...все ... в наивящней конфузии: все дома во всем городе разграблены, и ни

одних ворот не осажено, ни главного караулу не поставлено, и ни малого порядку для унятия грабежу не учинено, и все салдаты пьяны, и ежели б триста или четьреста человек от неприятеля пришло, то б мочно их легко без труда паки выбить»¹⁷. Все это могло еще и серьезно осложнить отношения с украинским населением, поэтому Алларт тут же отдал виновников под суд¹⁸, что, вероятно, в будущем сильно притормозило карьеру коллеги и соратника Вейсбаха Ветерани, дослужившегося в петровское царствование лишь до бригадира¹⁹.

После Роменской операции Вейсбах участвовал и еще в одном серьезном военном «деле» – он был командирован «с господином генерал-майором Бемом недалеко от Гадяча под местечко Рашевку для отакования швецкого генерала-маюра Анфилтеля»²⁰. Отряд из 4-х драгунских полков и двух батальонов Преображенского полка (под командой Матюшкина и Бартечева), отправленный ночью 14 февраля 1709 г. Шереметевым атаковать деревню Рашевку южнее Гадяча на правом берегу Псела, разбил драгунский и 2 пехотных полка полковника Алфельделя, служившего семь лет у Августа II и бывшего в саксонской армии генерал-майором, а потом перешедшего с понижением в чине к шведам. Алфельдель был взят в плен, шведов ушло немного, но при этой акции был смертельно ранен любимец Петра гвардии майор Ф.О. Бартечев²¹. Вейсбах оставил любопытные подробности операции: «...такое шасливо учинилось, что токмо от той команды один майор Кригер с пятью ротами бегом ся спас, а генерала масора Анфелтеля и шталмейстера со всеми артиллерийскими лошаадьми и многих офицеров и рядовых, которые у церковной ограды стояли, в полон взяты и большая часть неприятельского скинажу забрата, а достальных неприятельских людей, которые по дворам похоронилися, поколото и порублено, и в том же местечке от швецкого плену освобожден масор Палм, которой чине подполковник Каргопольского полку...»²².

Таким образом, Вейсбах участвовал примерно в половине относительно крупных военных столкновений зимней кампании 1708/1709 гг., и, видимо, проявил себя достаточно распорядительным и исполнительным командиром, что в целом должно было упрочить его положение в армии накануне ее решающих сражений.

Не менее активной была и его роль в летней «полтавской» кампании 1709 г., где он снова оказался «в теши» своего начальника Ренна, но оставил нам в описании своих служб немало деталей,

проливающих свет на некоторые не слишком известные эпизоды Полтавской битвы.

Во-первых, Вейсбах, видимо, участвовал в операции генерала Ренна, который 15 июня 1709 г. переправился через Ворсклу с тремя драгунскими полками и, выманив шведов партией из 500 драгун, вызвал на себя атаку самого шведского короля с шестью полками, остановленную двумя спешенными в лесу драгунскими полками, которая позволила русским частям уйти обратно за Ворсклу без особых потерь²³. Но Вейсбаху, они с Ренном были посланы Петром «для отакирования короля шведского, которой под Полтавою на монастыре обретался, точною когда пришли *на то место, где Полтавская баталия учинена, получили ЕЦВ-ва указ*, чтобы нам возвратиться, потому что *под пехотою мост подломился*»²⁴. Это сообщение позволяет предположить, что акция Ренна могла быть более масштабной и пацелешной на атаку ставки шведского короля в Крестовоздвиженском монастыре перед Полтавой, расположенной на высокой гряде между Ворсклой и речушкой Тарапунькой и неудобной для организации лагеря²⁵, и, вероятно, могла вызвать сумятицу в ней. Вероятнее всего, она задумывалась как отвлекающий маневр при попытке намеченной на 15–16 июня и в конечном счете неудавшейся деблокады Полтавы со стороны главного русского лагеря, но в последний момент была остановлена Петром и превратилась в локальную стычку, отчасти выполнив, однако, свои отвлекающие функции.

Более того – она создала базу для переправы русской армии, которой тут же воспользовались – и именно Вейсбах (скорее всего в ночь на 16 июня) «...потом паки от господина генерала Аларта чрез Ворсклу командирован был для взятия места, на котором устроено в ту же ночь 9 ретутов...»²⁶. Прибывший в 7-м часу утра 16 июня с войсками фельдмаршал Реншильд, уже построившись в боевые порядки, по ощущениям Вейсбаха, скорее всего, имел возможность атаковать и сбросить русских с переправы и поставить под вопрос будущую Полтавскую баталию, но после рекогносцировки разъездами неожиданно ушел в лагерь к монастырю. Принято считать, что он сделал это по решению военного совета из-за неудобства болотистой местности²⁷, однако Вейсбах выдвигает совершенно другую версию: «...а егда оной господин генерал-фельдмаршал взят был во плен и спрашиван, чего ради такую атаку чинить не осмелился, и оной сказал, что будто такой атаки за тем (?)

не чини(л), якобы получил ведомость через нарочного посланного, что монарх сво в погу рапен под Полтавою, а поспеже опой подлинно известно не был, смертельно ль оной рапен сво монарх или нет, и того ради в том смелости не имел отаковать, ибо когда бы король швецкой от той раны умер, то де под мнешием был, *како бы ему с достальными малыми людьми ретироватися*»²⁸. Карл XII действительно был ранен утром 16 июня 1709 г.²⁹, и, таким образом, ранение короля все-таки могло существенно повлиять на ход событий, дав возможность русским сохранить базу для будущей переправы главной русской армии у д. Петровка. Одновременно это выразительно рисует пастроянность в шведской армии – даже Реншильд понимал бесперспективность положения шведской армии и, в случае смерти короля, скорее всего немедленно снял бы осаду Полтавы и увел армию с Украины.

Во-вторых, Вейсбах активно участвовал и в самом Полтавском сражении. Накануне его, посланный с 1800 драгун на аванпосты, он был атакован 12-ю шведскими эскадронами, двумя батальонами и несколькими сотнями волохов, потеряв до 100 человек, но с помощью подошедших подкреплений сбил шведов «с поля»³⁰. В самом Полтавском сражении он находился с основной частью русской кавалерии на правом фланге русских войск под общим командованием Ренна и генерал-майора Шаумбурга (Шюмберга), перебросившего с войсками зимой 1709 г. из петербургского корпуса на Украину. Более того – после ранения Ренна в начальной фазе сражения у редутов именно Вейсбах, по его словам, взял на себя командование правым крылом кавалерии, которым до этого командовал Ренн (Шаумбург командовал левым), и именно его части захватили в плен подполковника Синклера и герцога Вюртембергского³¹. Вейсбах участвовал и в преследовании шведов до Переволочны.

Хотя он и не был отмечен среди награжденных за Полтавскую баталию, но вскоре все же получил воздаяние за свои заслуги. В августе 1709 г. он оказался фактическим командующим кавалерийского корпуса Ренна, поскольку Ренн был ранен, а генерал-майор Шаумбург из-за болезни остался в Киеве. Вейсбах вел корпус в Польшу и какое-то время был, видимо, своеобразным конвоєм двигавшегося на встречу с польским королем Петра I. В местечке Сольцы, где Петр с бригадой Вейсбаха³² 7 сентября 1709 г. переправился через Вислу и смотрел польское коронное войско, а потом в

течение двух недель ожидал судов, чтобы плыть по Висле на свидание с польским королем³³, Вейсбах был вызван на квартиру представителя Августа II Фицтума и по указу Петра I был произведен 9 сентября 1709 г. в генерал-майоры на место умершего (вероятно, в Киеве) Шаумбурга, увеличив свое жалование (генерал-майорское + полковничье) до 230 р. в месяц³⁴, т.е. до 2760 р. в год. Вскоре после этого он был отправлен в безуспешную погоню за корпусом Крассау, уходившим в Померанию, а после этого в составе польского корпуса Гольца воевал в Польше со сторожниками Станислава Лещинского.

Итак, именно кампания 1708–1709 гг. и определила карьерный взлет Вейсбаха. Меньше чем за два года он вырос от полковника до генерал-майора и прочно вошел в военную элиту России.

Но в дальнейшем карьерный рост Вейсбаха приостановился, чему, вероятно, способствовали два фактора. Во-первых, к 1710–1711 гг. сложился основной костяк российского петровского генералитета и структура самой армии, и дальнейшее продвижение по службе ограничивалось просто количеством уже занятых штатных мест – и это, а вовсе не отношение к иностранцам, становилось главным препятствием для быстрой военной карьеры. Вейсбах фактически должен был ждать чьих-то неожиданных отставок или даже смерти Боура и Ренна. Во-вторых, служба в кавалерии превратилась, в отличие от первого периода войны, в фактор скорее отрицательный – Вейсбах еще участвовал в Прутском походе Петра в 1711 г. «над Прутом неотлучно чрез всю кампанию»³⁵ и, выдержав осаду в лагере³⁶, потерял там имущество «и большую часть экипажу»³⁷, но в дальнейшем, начиная с последних лет русско-турецкой войны 1710–1713 гг., он был отодвинут «на периферию» Северной войны, ибо с этого момента половина русской кавалерии (16 полков) осталась на Украине и Белгородчине в составе так называемого «Украинского корпуса», занявшись более безопасной, но достаточно суетливой и куда менее славной службой по охране южных пограничных рубежей России. Вейсбах снова оказался в нем в основном под началом и «в тени» своего почти бессменного шефа К.Э. Ренна. Удаленность от главных театров военных действий, из поля зрения и от личных контактов с А.Д. Меншиковым и Петром I тоже не слишком способствовала продвижению в военной иерархии.

В «большой политике» до конца Северной войны корпус был задействован фактически лишь однажды – в эпоху «польско-

саксонского» кризиса 1715–1716 гг., вызванного накалившимися отношениями польского общества с его саксонским королем, обусловленными как политическими амбициями Августа II, так и требованьем вывода саксонских войск с территории Польши в связи с тяжестью их содержания для местного населения³⁸. Против короля в 1715 г. началось восстание и образовалась Сандомирская конфедерация, в связи с чем уже в конце 1715 г. часть войск украинского корпуса была придвинута к литовской границе, а в августе 1716 г., в период самого острого накала движения, Украинский корпус получил приказание вступить в Польшу, чтобы сдерживать противников Августа и принудить их к компромиссу с королем, достигнутому при посредничестве русских властей на условиях вывода саксонских войск. Ренн вывел корпус к Люблину, размещая войска на обременительный постой во владениях не смирившихся конфедератов, что позволило достичь желаемого результата, но вскоре умер. После смерти Ренна 20 декабря 1716 г. Вейсбах как старший генерал-майор принял командование корпусом³⁹ и, получив 30 января 1717 г. ордер русского посла в Польше Г.Ф. Долгорукова, руководил в начале 1717 г. после завершения «польского кризиса» выводом корпуса на Украину⁴⁰. Вскоре командующим корпусом был назначен Р.Х. Боур, а Вейсбах, возмущенный этим, сдав команду Боуру, с 1 октября 1717 г. был отпущен в отечество на 4 месяца. Но 24 сентября 1717 г. в Едшанске было получено известие о смерти Боура, и Шереметев своим указом прервал отпуск и снова отправил Вейсбаха командовать Украинским корпусом. 14 декабря 1717 г. он уже прибыл в Нежин и принял команду от генерал-майора Калтакузина⁴¹, явно недовольного этим назначением из-за служебного соперничества. Однако смерть Ренна и Боура наконец-то упрочила положение Вейсбаха и позволила ему после восьмилетнего перерыва подняться на следующую ступеньку в военной карьере: с 7 февраля 1718 г. он был официально назначен командиром Украинского корпуса и указом от 8 февраля 1718 г. произведен в генерал-лейтенанты⁴².

Лишь в конце Северной войны Вейсбах снова оказался в близости к эпицентру событий: 2 апреля 1719 г. указом Петра он был неожиданно вызван в столицу и отправлен командовать кавалерией Финляндского корпуса в кампании 1719 г., что, впрочем, не принесло ему большой славы, поскольку кавалерия там фактически находилась в бездействии⁴³.

По возвращении из похода он получил дипломатическое поручение: был направлен 14 ноября 1719 г. Петром с неофициальным визитом в свою родную Австрию с целью подготовить почву для восстановления дипломатических отношений⁴⁴, разорванных после «дела царевича» и интриг английского и ганноверского дворов. Вейсбах, выдержав первое давление и парировав угрозы в том, что Петр пытается отстранить своего внука, сына казнённого царевича, от престола, все-таки сумел пайти почву для сближения. Кроме того, через него начались первые контакты с голштигским министром Бассевичем, предложившим идею брака герцога Юлтинского и одной из дочерей Петра. Вейсбах в целом успешно справился со своей миссией, подготовив официальное посольство П.И. Ягужинского в Вену⁴⁵, и 26 июня 1720 г. вернулся в Петербург, получив назначение командовать кавалерийской дивизией из 7 полков, стоящей около Риги и выводимой на зимние квартиры к Смоленску⁴⁶. Вероятно, он чувствовал себя уверенно, и, возможно, снова как-то приблизился к особе царя, поскольку во время венского визита позволил себе резкий выговор в адрес почтенного русского дипломата Б.И. Куракина, серьезно обидевший князя⁴⁷, и, кроме того, в феврале 1723 г. стал членом Военной коллегии⁴⁸. В последние два года царствования Петра он существенно приблизился и к верхушке российского политического Олимпа.

Таким образом, Вейсбах был вовсе не «бироновским немцем», а скорее, закономерным продуктом петровской эпохи, уже давно и прочно связавшим судьбу с Россией, которой к 1730 г. он прослужил почти четверть века (23 года). Даже чин генерал-аншефа был никак не связан с бироновским влиянием и был получен им раньше, чем Минихом – 21 мая 1725 г., в период массовых отставок и повышений после смерти Петра, сопровождавших воцарение Екатерины. В 1729 г. Вейсбах был первым по старшинству среди генерал-аншефов русской армии (Миних – только пятым)⁴⁹, и «бироновские» перемены при дворе скорее приостановили, чем форсировали его карьеру.

* * *

В середине 1720-х гг. Вейсбах снова служил на Украине сперва под началом М.М. Голицына, а с 1726 г. опять стал командующим Украинским корпусом⁵⁰.

Таким образом, почти весь «российский» период жизни Вейсбаха, начиная с конца 1708 г. (т.е. более 20 лет), был связан с Украиной.

Он, вероятно, гораздо меньше знал жизнь и внутреннюю обстановку в России, в которой почти не бывал, чем на Украине. Это, с одной стороны, не могло не способствовать его «врастанию» в украинскую жизнь, а с другой – превращало его в достаточно квалифицированного эксперта по украинским и пограничным вопросам.

Издесь (особенно в периоды, когда он становился главнокомандующим Украинским корпусом) он волей-неволей становился серьезной фигурой в «украинской политике» России, тем паче что расположенные на Украине кавалерийские полки превращались в важнейший фактор в ней: снабжение их фуражом и провиантом было фактически главным налогом с украинского населения в пользу России, а их расквартирование и перемещения по территории Украины создавали постоянную почву для трений и конфликтов с населением и украинскими властями.

В этой ситуации фигуры иноземных генералов были во многом удобны российским властям – они липали военной политике России на украинской территории «национальной» окраски, делая ее более «нейтральной» в эмоциональном плане и выполняя своего рода «буферную» роль в отношениях украинской старшины и русских властей; кроме того, на них не распространялся запрет приобретать земельные владения на Украине, действовавший до 1728 г. для великороссов, чем генералы-иноземцы активно пользовались, приобретая и округляя владения на Украине, служившие в какой-то степени и опорными узлами для российской политики, подкрепившей этот процесс. Так, 23 апреля 1722 г. в Сенате был объявлен собственноручный указ Петра I о даче Вейсбаху 500 дворов из отписных деревень Орлика⁵¹, и к концу своей жизни он превратился в одного из крупнейших украинских землевладельцев: по данным на 1732 г. он был вторым после Меншикова из 8 крупнейших российских владельцев на Украине, где ему принадлежало 1245 дворов⁵², составивших после смерти Вейсбаха основу земельных богатств Миниха, которому они были пожалованы. Общие земельные интересы сближали Вейсбаха с украинской старшиной, и, вероятно, способствовали формированию своеобразного симбиоза с ней – что, впрочем, не исключало и серьезных конфликтов.

Конфликты обострялись и характером самого Вейсбаха, которого, конечно, не следует идеализировать – как и многие другие иноземцы, воспитанные в традициях наемных армий, он был

типичным солдатом своей эпохи, рассматривающим свою профессию и войну как средство извлечения дохода. Кроме того, он вырос в среде слишком «вольного» кавалерийского генералитета, долгое время защищенного покровительством Меншикова и привычного к злоупотреблениям за счет местного населения, в чем не раз обвиняли и Гольца, и Ренна, в корпусе которых вырос Вейсбах: сам Вейсбах после смерти Ренна в Польше подал длинный ресестр, из которого, по словам Г.Ф. Долгорукова, следовало, что «...Ренн, вошед в Польшу, лучших и богатых мало не всех для своего интересу освободил от обязанности содержать русское войско и всю тягость на бедную шляхту возложил»⁵³, вызвав поток жалоб поляков.

Подобный же конфликт возник и на Украине осенью 1715 г., когда гетман Скоропадский обвинил Ренна и Вейсбаха в многочисленных незаконных поборах провианта «на генеральскую кухню» с украинского населения, представив их обширный ресестр⁵⁴, из которого можно составить даже впечатление о личных вкусовых пристрастиях каждого из генералов: Ренну на месяц требовалось 8 коров, 4 теленка, 24 барана, 28 поросят, 220 кур, гусей и уток; Вейсбаху, соблюдавшему субординацию – 2 коровы, 15 баранов, 1 кабан, 100 единиц птицы, и обоим – обширный перечень других продуктов, не считая свежего хлеба, сметаны, масла, овощей и прочей снеди, количество которых генералами точно не фиксировалось; но Ренн специально оговаривал поставку 800 «яблок добрых», будучи, вероятно, их любителем. Видимо, все это было прибавкой к «скудному» генеральскому жалованию и тому довольствию из «порционных» и «рационных», что полагалось генералитету из армейского бюджета.

Конфликт не случайно возник осенью 1715 г.: именно неурожай 1715–1716 гг. по наблюдениям русских послов спровоцировал и кризис в Польше, на подавление которого был брошен украинский корпус. Российское правительство указом сената от 29 ноября 1715 г. отменило и запретило незаконные «генеральские поборы»⁵⁵, однако, как писал в 1717 г. Скоропадский, «...за тем Его величества указом умерший генерал Рен не весьма от тех запросов удержался, и генерал Боур начал было себе всякие от ествы и питья употреблять запасы...»⁵⁶, но еще более серьезной проблемой стал сам «польский марш» украинского корпуса в условиях двухлетнего неурожая в стране и недостатка фуража, не заготовленного в 1716 г. из-за почти непрерывных дождей.

Вейсбах не слишком сдерживал себя от злоупотреблений и дальше: и в 1727 г. на Украине жаловались «...на генерала Вейсбаха, что постоянно требует для разных домовых посылок подвод, сторожей, водовозов, ремесленников, баб для кухни, по обывательским лугам косит сено даровыми работниками и возит его на полковых подводах, ... две слободы поселил себе на обывательских землях людьми Полтавского полка и уволил эти слободы от квартирной и порционной обязанности»⁵⁷. 18 марта 1728 г. он даже был отрешен от командования и взят под следствие по этим жалобам украинских крестьян, но затем, видимо, оправдан и восстановлен в командовании корпусом⁵⁸.

Однако долгая жизнь на Украине превратила Вейсбаха к началу 1730-х гг. в значимую фигуру в украинской и в «южной» пограничной политике России. В начале ашшиского царствования, после кратковременного командования Низовым (Персидским) корпусом в 1730 г., он приобрел еще больший политический вес в российской элите, будучи назначен в ноябре 1731 г. киевским генерал-губернатором⁵⁹. С этого момента рекомендации его все чаще принимались во внимание правительством, хотя и далеко не всегда Вейсбаху, в частности, принадлежал один из первых проектов широкого поселения немецких колонистов на территории Украины, почти на полвека предвосхитивший политику Екатерины II, который ашшиские Кабинет министров и Сенат фактически проинпорировали.

* * *

По были и случаи, когда правительство прислушивалось к нему и не всегда удачно. Несмотря на долгий «украинский опыт» и участие в военных конфликтах со степью, экспертные оценки и рекомендации Вейсбаха грешили иногда серьезными ошибками. Ошибки эти существенно повлияли, в частности, на возникновение и ход русско-турецкой войны 1735–1739 гг., которые мы слишком часто оцениваем сквозь призму мемуарных свидетельств Х.Е. Манштейна, располагавшего далеко не полной информацией о реальных мотивах и причинах событий и рисующего в том числе и позицию Вейсбаха в них упрощенно и не всегда достоверно⁶⁰.

Восстановление предьстории этого крупнейшего для России в ашшиское царствование военного конфликта позволяет откорректировать оценки Манштейна.

Уже в 1733 г., в период «турецкого кризиса», вызванного попыткой прорыва крымских татар через российские владения на Кавказе,

остановленной войсками князя Людвиг Гессен-Гомбургского у дер. Гремячей, правительство не исключало пачала войны с Турцией. План военных действий серьезно анализировался в Кабинете. Тогда же, в 1733 г., Вейсбах предложил идею похода в Крым, самоуверенно отводя на него всего 10 суток⁶¹. Однако «турецкие планы» были отодвинуты войной «за польское наследство» 1733–1734 гг., в которой Вейсбах командовал частью русских войск в Польше.

Но итоги и идеи совещаний и предложений 1733 г. были использованы во время нового «турецкого кризиса» 1735 г., вызванного почти теми же причинами (вероятным движением крымских татар на Кавказ) и опять поставившего всерьез проблему турецкой войны.

Решение о возможном начале войны принималось кабинет-министрами и крупнейшими сановниками в Петербурге в отсутствие Мишиха (командовавшего армией в Польше, где завершались военные действия). Итогом расширенного совещания в Кабинете (в котором участвовал и Бирон), состоявшегося 16 июня 1735 г., стал «Протокол, ... держанный в тайном совете о турецких делах», утвержденный Анной Иоанновной. Он предусматривал открытие военных действий, но предполагал, однако, крайнюю осторожность и не исключал мирного исхода конфликта⁶².

Указы, направленные в развитие решений совещания 25 июня 1735 г. Вейсбаху и Миниху, предусматривали в случае выступления крымского хана в поход в Закавказье две военные акции: 1) организацию предложенной ранее Вейсбахом экспедиции в Крым и 2) уже осенью 1735 г. – осаду Азова Мишихом (срочно отзываемым из Польши, откуда в тот момент выводились русские войска). Вейсбах должен был закрепиться в Перекопе, чтобы не пустить обратно возвращавшихся из закавказского похода татар, и, в случае невозможности удержаться в Крыму – разорить Крым и сжечь его столицу Бахчисарай⁶³. Фактически реализовывался сценарий «локальной войны», предложенный А.И. Остерманом еще в 1733 г. Совещание 16 июня 1735 г. не поддержало новое предложение Вейсбаха перенести военные действия в Молдавию и на территории буджакских татар⁶⁴.

Остерман, во многом определявший позицию Кабинета, отход не был сторонником неременной эскалации конфликта. Единственное реальное в тот момент военное предприятие – Крымская экспедиция – предписывалась Вейсбаху лишь как ответный ход на

выступление в поход в Закавказье крымского хана. Однако и «крымский поход 1735 года» был еще не до конца решен.

Известия о походе хана Вейсбах, сосредоточивший свой корпус только к середине июля, получил лишь 8 августа⁶⁵. Выступить в поход было слишком поздно.

Было и еще одно обстоятельство: накануне своей смерти Вейсбах уже, очевидно, осознал авантюристический характер предложенного им предприятия, еще более осложненного конкретной обстановкой. В донесениях от 15 июля (и особенно 5 августа 1735 г.) он высказался за отмену немедленной попытки реализовать свою собственную идею⁶⁶. Он привел длинный ряд убедительных аргументов: осенний поход в Крым крайне опасен; крымцам не стоит труда зажечь степь; выведенные им из Польши полки из-за только что спешно сделанного дальнего марша не готовы к походу; ландмилицкие полки и украинские казаки придут лишь к его началу в еще более плачевном состоянии, «...и как все соберутся, время к осени придет, и хотя бы с некоторыми выбранными людьми ту экспедицию принять, но только одним маршем до Крыма в сентябрь месяц пройдет, а в Крыму для разорения тамошних жилищ и знатного поноса продолжитца надобно по последней мере месяц, за чем придет октябрь, и возвращение оттуда и ноября захватит, в которых немалой холод, а иногда и снег бывает, и ежели опое случитца, то от того интересу ЕИВ-ва немалому ущербу быть чаятельно»⁶⁷.

Поэтому Вейсбах предлагал отменить экспедицию и перенести ее на апрель 1736 г. Однако сам он вскоре (24 августа⁶⁸) скончался.

Аргументы Вейсбаха были приняты во внимание в Кабинете. 3 сентября Вейсбаху и 13 сентября – назначенному на его место Леонтьеву – было предписано отменить Крымскую экспедицию в случае серьезных препятствий⁶⁹. Но Кабинет все еще считал ее весьма желательной, а временно заменивший Вейсбаха после его смерти майор Гамф оценивал перспективы экспедиции гораздо более оптимистически⁷⁰.

Однако главным фактором, решившим судьбу «крымского похода» Вейсбаха-Леонтьева стал, вероятно, авантюризм Мишиха, вернувшегося к этому времени с Дона на Украину.

Во всяком случае, именно по его предложению майор Гамф в середине сентября выехал в Полтаву и передал дела генерал-лейтенанту Леонтьеву, решив с ним вопрос об отправлении экспедиции⁷¹.

Леонтьев, еще не вполне оправившийся от болезни, принял корпус фактически за неделю до выступления. Решение о походе было принято вероятнее всего под давлением Миниха, сообщавшего 22 сентября в Кабинет: 15 сентября «...он в Полтаву приехал, и по прибытии туда генерала Леонтьева, усмотря опого от болезни своей освобожденна, и в таком состоянии, что он порученную ему экспедицию воспринять может, *оному Леонтьеву* и майору Гамфу велел по содержанию прежних ЕИВ-ва ... указов *без упущения времени к произведению оной экспедиции подлежащие меры и резолюцию взять...*»⁷².

Таким образом, Миних фактически проигнорировал первое указание Кабинета, а второе (от 13 сентября) он просто мог еще не получить даже к моменту выступления в поход. Не исключено, что па настроение Миниха могла повлиять и разразившаяся накануне летом громкая ссора с Вейсбахом⁷³ - она вполне могла заставить фельдмаршала по меньшей мере не уважать мнение покойного генерала. Характерно также, что правительство после провала похода прямо возлагало в указе фельдмаршалу от 12 ноября 1735 г. ответственность за него именно на Миниха: «Итак, лучше было ту экспедицию не предвоспринимать, нежели, восприяв, оную без всякого произведения оставить и назад ретироваться»⁷⁴.

Итог этой первой «крымской авантюры» Миниха, несправедливо вошедшей в историю как крымский поход Леонтьева, с точностью подтвердил худшие прогнозы Вейсбаха - как известно, она бесславно провалилась и тем самым сделала неизбежной «большую» русско-турецкую войну.

Таков был заключительный аккорд в военной и политической биографии петровского генерала И.Б. Вейсбаха, невольно ставшего одним из косвенных виновников этой войны.

¹ Петрухинцев Н.П. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 66–87.

² См., напр.: Черников С.В. Генералы Елизаветы Петровны // Родина. 2009. № 2. С. 93–96.

³ История Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 502–504; Соловьев С.И. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М., 1993. С. 425; Кн. IX. С. 220–221, 297, 430, 506.

⁴ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 435.

⁸ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 1об.

⁹ Там же. Л. 1об. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² ПБНВ. Т. 8. Вып. 1. № 2853. С. 314; Вып. II. С. 974.

¹³ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 1 4об.

¹⁴ Там же. Л. 4об.

¹⁵ ПБНВ. Т. 8. Вып. II. С. 974; 977–978.

¹⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 4об.

¹⁷ ПБНВ. Т. 8. Вып. II., С. 1031–1032.

¹⁸ Там же. С. 1030–1033.

¹⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 36а.

²⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 4об. 5.

²¹ ПБНВ. Т. 9. Вып. II. С. 719–721.

²² РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 5 5об.

²³ История Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 300–301; ПБНВ. Т. 9. Вып. II. С. 947.

²⁴ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 5.

²⁵ Энгелунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 54.

²⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 5.

²⁷ Кротов П.А. Битва при Полтаве. СПб., 2009. С. 116.

²⁸ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 5 5об. В некоторых словах проведена необходимая корректировка, ибо текст явно испорчен в копии переписчиком.

²⁹ Кротов П.А. Битва при Полтаве... С. 188.

³⁰ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 5об.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 6.

³³ История Свейской войны. Вып. 1. С. 321.

³⁴ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 7.

³⁶ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 128.

³⁷ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 7.

³⁸ Соловьев С.М. История России... Кн. X. М., 1993. С. 408–426.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 643. Л. 866.

⁴⁰ Там же. Кн. 642. Л. 832–835об.

⁴¹ Там же. Кн. 643. Л. 564–566об.

⁴² Там же. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 7об.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ История Свейской войны. Вып. 1. С. 502–503.

⁴⁵ Соловьев С.М. История России... Кн. IX. С. 220–221.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 199. Д. 240. Ч. 16. Л. 8–8об.

⁴⁷ Соловьев С.М. История России... Кн. IX. С. 430.

⁴⁸ Бабич М.В. и И.В. Областные правители России. 1719–1739 гг. М., 2008. С. 234; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 204.

- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 32.
- ⁵⁰ Бабич М.В. и И.В. Областные правители... С. 234.
- ⁵¹ РГДА. Ф. 248. Кн. 1888, Л. 275об.
- ⁵² Там же. Кн. 1106. Л. 302-303.
- ⁵³ Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 425.
- ⁵⁴ РГДА. Ф. 248. Кн. 642. Л. 340-341об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 345-345об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 1221-1221об.
- ⁵⁷ Соловьев С.М. История России... Кн. X. С. 155-156.
- ⁵⁸ Бабич М.В. и И.В. Областные правители... С. 234.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См., например: Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 63-64.
- ⁶¹ РГДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 4. Л. 87.
- ⁶² Шульман Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735-1736 гг. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Вып. 3. С. 32-34.
- ⁶³ РГДА. Ф. 177. 1735 г. Д. 13. Л. 71, 86-90.
- ⁶⁴ Шульман Е.Б. Указ. соч. С. 34.
- ⁶⁵ РГДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 13. Л. 137-138.
- ⁶⁶ Там же. Л. 104-107; 124об.-127.
- ⁶⁷ Там же. Л. 126.
- ⁶⁸ Шульман Е.Б. Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁹ РГДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 13. Л. 197об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 200об.
- ⁷¹ Там же. Л. 201.
- ⁷² Там же. Л. 205.
- ⁷³ Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994. С. 264.
- ⁷⁴ Шульман Е.Б. Указ. соч. С. 37.